

Если в свое время модель жанра трагедии, разработанная Ломоносовым, не смогла победить, то в этом виновата не придворная публика, которая думала о своих развлечениях и мало заботилась о вечных истинах классицистической доктрины. Так же неповинны и читатели, которые покупали его пьесы с таким усердием. Этим читателям отнюдь не мешали барочные элементы ломоносовских трагедий. Что это были за люди? Можно предположить, что это были главным образом воспитанники духовных училищ — Московской духовной академии, в которой учился сам Ломоносов, или провинциальных семинарий во Владимире, Твери, Смоленске, Вятке и других городах. До 1750-х годов преподавание поэтики и риторики в духовных учебных заведениях еще следовало традициям европейского барокко.⁴⁸ Благодаря этому, образовалась определенная литературная публика, — публика, которая была довольно обширна и отнюдь не состояла только из духовных лиц. Ее следует считать социальным носителем барочного литературного вкуса.

Однако не эта публика определила дальнейшее развитие русской трагедии: в России XVIII века ожидания и привычки широкой читательской публики не играли роли в формировании литературы — для этого нужен был литературный рынок, а такой рынок образовался в России позднее и развивался медленно.⁴⁹ Чтобы повлиять на дальнейшее развитие трагического жанра в России, недостаточно было усердно покупать трагедии Ломоносова — нужно было также и писать трагедии. Но эту задачу читатели Ломоносова предоставили другим — Сумарокову и его «школе» — Хераскову, Ржевскому, Майкову и пр.⁵⁰ Не представляется случайным, что эти авторы (за исключением Майкова) получили образование не в духовном, а в совсем другом учебном заведении — в петербургском Кадетском корпусе, рыцарской академии для молодых дворян. В русской литературной жизни этих десятилетий петербургский Кадетский корпус выполнял роль институциональной базы литературного классицизма, который был заимствован главным образом из Франции. И именно в духе классицизма воспитанники Кадетского корпуса определили развитие русской трагедии в последующие годы. Однако трагедии, которые они писали, плохо раскупались, хотя активно ставились на сцене. Не в последнюю очередь это относится к трагедиям самого мэтра Сумарокова.⁵¹

Классицистической литературной доктриной руководствуются также и те авторы, которые подтрунивали над Ломоносовым как «Расином поневоле» и которые в XIX веке критиковали его за нарушение идеала «хорошо поставленной» драмы. Как показывает анализ текстов, Ломоносов в своих трагедиях отнюдь не стремился во всех отношениях подчиниться

⁴⁸ См. Левин П. Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века // Wiener Slavistisches Jahrbuch 1977 Bd 23 S 180–198

⁴⁹ См. Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800 Princeton, 1985

⁵⁰ См. Стенник Ю. В. Жанр трагедии

⁵¹ См. Marker G. Publishing, Printing P 205